

* * *

— Смелее. Просто начни говорить. Рассказывай все, что помнишь. Не торопись. Спокойно и во всех деталях.

Он, словно психиатр, внимательно смотрит на меня, ловит каждое мое движение, каждый вздох, каждый взгляд. Он не знает, как лучше ко мне обращаться — на ты или на вы. Он следит, оценивает, нервничаю ли я, а я замечаю, как он одергивает руку, чтобы не покрутить кольцо на безымянном пальце. Он перекидывает ногу за ногу и ждет, что же я скажу. Он копирует поведение и дружелюбную интонацию врача, но в его взгляде есть что-то холодное, отталкивающее, и я прекрасно знаю, что он — фальшивка. Пустышка. Никчемный подражатель.

— Можно уточнить? Вы меня подозреваете?

Поддельный психиатр улыбается. Пристально смотрит и ждет. Он ничего мне не отвечает, но я понимаю, что да, сейчас я главный подозреваемый.

Остальные смотрят на меня, словно уже и слушать нечего, словно вина доказана, я и есть тот самый убийца.

И что я им должен поведать? Я сам знаю не больше их. Только то, что увидел по телевизору. И никаких особых деталей не припомню. А то, что помню о последних событиях, они и без моих слов знают из новостей. Но они ждут. А значит, я должен говорить. Что угодно, только не молчать. Что угодно, лишь бы они поняли, что они допрашивают не того.

Делаю глоток воды и начинаю рассказ с самого начала. С момента знакомства с Ритой.

* * *

Я помню себя фрагментами. Это не болезнь, и это не заразно. Память у меня вполне себе хорошая, можно сказать память что надо. Просто я стараюсь не загружать голову ненужными деталями. Какие шорты я носил в пятом классе? Как звали первую любовь? На каком курсе университета и по какому предмету завалил экзамен и вылетел? О своем прошлом помню скорее из рассказов окружающих, чем из личных переживаний.

Есть я, нет меня...

Думаю, я не был долгожданным ребенком. Не то чтобы неблагополучная семья, или меня кто-то

избивал, нет. Не издевались. Но и особо не любили. Не ждали меня. Наверное, и специально избавляться от зародыша никто не собирался.

— У вас будет ребенок.

— Хорошо, спасибо за информацию.

Вероятно, случайность. Просто так вот вышло. Так случилось — в этом мире появился я.

Сейчас мне достаточно лет, чтобы не обращать внимания на несправедливость или на удачу, неожиданно сваливающихся как снег на голову. Все идет своим чередом. Идет как идет. Плевать.

Каждое утро передо мной в зеркале отражается довольно приятной наружности человек. Окружающие обращаются к нему Аркадий.

— Привет, Аркадий, — зовет коллега.

Аркадий оборачивается, смотрит приветливо и отвечает дружелюбной улыбкой.

Аркадий отвечает, а я нет.

Признаться, удобная маска этот «Аркадий», если хочешь спрятаться от всего мира. Он сильный и полезный. Он делает много вещей, которые лично я бы не стал ни за какие деньги. Все самое неприятное. Делает уборку, например, ходит на работу, говорит с людьми, даже зарядку по утрам делает. Аркадий делает, а я нет.

Его окружают одинаковые, со всех сторон одинаковые люди. Они лишь твердят о своей уникальности. Их маски, вместо «Аркадий» подставь лю-

бое имя, возможно, чем-то незначительным и отличаются. А уникальность в чем? Во внешности, способностях или предназначении?

В тесном городе, бок о бок, с такими же уникальными, как я сам, жителями, в тугой связке отрицаемой зависимости друг от друга, мы в красочных масках строим будущее, в котором с полной отдачей продолжат наше правое дело более проворные и, хотелось бы на это надеяться, более интеллектуально развитые потомки.

Я сгружаю в тачку материалы, вытираю грязным рукавом пот со лба и везу тележку по стройплощадке.

Терпеть не могу утро. По многим причинам... И основная из них — утро, значит, до вечера еще далеко. Значит, для Аркадия работы еще много, значит, у меня полным-полно времени загонять себя в депрессию, рассуждать о высоком и катать загруженную до краев телегу.

Философ-неудачник.

Под палящим солнцем, под проливным дождем, по грязи, по снегу... Разницы нет. Аркадий вкалывает.

Каждое утро означает — вечер еще ой как не скоро.

Помимо прочего, терпеть не могу утро, потому что в памяти еще свежо, как бездарно провел прошлый вечер, отсиживая задницу на старом

выцветшем, когда-то синем, диване с неудобным подголовником. Давно, когда только увидел этот диван в магазине, еще подумал, какой же он отвратительно неудобный. Но форма удачно вписывалась в интерьер. И он синий. Тогда решил, что привыкну, со временем приспособлюсь. И купил.

Смотрю на бесконечную красно-рыжую гору, которую к обеду я обязан перетаскать, и думаю, если вот эта груда кирпичей однажды заговорит, то, наверное, первая мысль, что проскреблет оранжевый язык — как многообразен наш род. Все такие разные. А я, самый особенный, талантливый и недооцененный кирпич из всех.

Катаю тачку и отпускаю воображение на волю. Представляю первобытное общество кирпичей, их первобытный строй. Всякие кирпичные палки-копалки, шкуры съеденных мамонтов или чем бы они там питались.

Сначала зародится кирпичная цивилизация. Чуть позже, найдется с десятков брусков из обожженной глины, которые чья-то безразличная рука установит ближе к крыше. Они станут сочинять и выкрикивать лозунги. Убеждать остальных в своем праве руководить всеми. Объяснят свое право исключительным происхождением и развитием.

Некоторые кирпичи согласятся, другим станет безразлично, будут и те, что воспротивятся, возможно устроят бунт.

Бунт.

Я огорчаюсь своим же мыслям.

Даже бездушные кирпичи рано или поздно начинают протестовать. Они бы не стали работать за гроши на этой проклятой стройке, с необразованным начальником алкашом. Нет, они не стали бы смиренно сидеть вечерами в одиночестве перед телевизором, разминая время от времени затекшую от неудобного подголовника шею.

Камни от фундамента станут стремиться лечь повыше.

Какой-то кирпич расколется надвое. Его тотчас поместят в утильную кучу. К таким же, кто не выдержал груза конструкции и сломался.

Найдутся и такие, кто сам отколет от себя кусочек и добровольно дезертирует на дно. Сломленные организуют свое маргинальное сообщество, выдумают себе новые идеалы и убеждения. И тоже сгниют. Испортятся от сырости и тепла, как и прочие, но удовлетворенные. Сгниют с мыслью, что они умнее, хитрее других и сделали все, что могли.

Честно признаться, я бы тоже не смирился, будь я кирпичом. Им проще. Им нечего терять... Я бы ни за что не стал бы молчать и в стене таких же как сам ждать неминуемого конца.

— Везет вам. — Я обращаюсь к кирпичам на своей повозке. — Вы не мыслите и не видите, что происходит вокруг.

— Можешь перейти ближе к делу? — перебивает меня поддельный психиатр. Он удостоверяется, что не обидел меня своей фразой. — Если, конечно, ты считаешь важным рассказать нам о кирпичках — продолжай. Но нам бы хотелось услышать о той девушке.

— Рита. Ее зовут Рита.

— Да-да. Расскажи о ней.

Все присутствующие, не исключая фальшивого психиатра, уверены, что Риты не существует, что я ее выдумал, что я и есть маньяк. Притворяются, что верят моим словам, но я же не дурак... Все понимаю... В их глазах, в их лицах я могу прочесть ненависть.

Уверен, что не смогу их переубедить, но продолжаю рассказ.

Говорю, что с Ритой мы познакомились совершенно случайно. Я возвращался домой.

Светило полуденное солнце, майка на спине намочла и прилипла. Штаны из плотной джинсы окаменели. Носки в тяжелых ботинках напитались потом, и при каждом шаге нога проскальзывала в разношенной, плохо зашнурованной обуви. Несмотря на липкость и соленость, я в прекрасном настроении и с дурацкой улыбкой на лице шел пешком домой. Шел и помахивал грязными по локоть руками.

Рита, тогда я еще не знал, что ее так зовут, пела на улице какую-то забавную песню про котов. Пе-

ред ней на асфальте стояла коробка, в которую набросали мелочи, а в руках Рита держала странную трещотку вроде маракаса. Она двигала самодельным музыкальным инструментом и напевала.

Красивый у нее голос. Я заслушался, остановился и опустил в коробку несколько купюр.

— Спасибо, красавчик, — сказала Рита, вернее, весело напела в рифму своей песни.

— Прошу прощения, что снова перебиваю, — говорит фальшивый психиатр. — Не так давно мы выяснили, что ты работаешь с утра и до позднего вечера. А сейчас, судя по рассказу, в понедельник в полдень, ты встречаешь Риту. Или я что-то не так понимаю?

Он уверен, что подловил меня. Уличил во лжи. Он думает, что я запутался, что он ухватился за ниточку и сейчас без труда распутает клубок.

Поддельный психиатр старается скрыть от меня радость и аккуратно поглядывает на присутствующих, мол, смотрите, как профессионально сработано. С первых секунд вывел на чистую воду.

— Я в тот день стал безработным.

Развожу руками и делаю глоток. стакан наполовину пустеет и мне тут же доливают до полного.

— Как это произошло? Ты что-то не выполнил? Может, на кого-то напал? За что тебя уволили?

Фальшивка хочет, чтобы я поверил в его искреннюю заботу. Он делает такое грустное лицо,

с таким участием и сочувствием смотрит, что становится даже как-то не по себе.

— Я сам уволился.

Похоже, такого ответа он не ожидал. Он делает пометку у себя в журнале, но я знаю, это лишь уловка. Он пытается усыпить мою бдительность. Ищет новый способ, как заманить меня в ловушку.

— Расскажи подробнее. Что послужило, что стало причиной? — Он опять смотрит по сторонам, мол, смотрите, сейчас выведу на откровения.

Мне трудно сдержать улыбку, наивный, я читаю этого лжепсихиатра, как букварь, как дважды два, господи, какой же он все-таки наивный.

— Я с этого и начал. Помните, кирпичи? Вы не стали слушать, я же хотел все по порядку рассказать...

Он улыбается. Хочет скрыть раздражение. Теперь я перед всеми ткнул его носом в его нетерпеливость.

Он двигает рукой — продолжай.

— Я сам уволился. Это мой бунт. Мой кирпичный бунт. Понимаете?

Фальшивка кивает.

— Просто подошел к начальнику, сказал, что с меня хватит, и уволился ко всем чертям.

— Ладно. — Он соглашается и все еще машет головой, мол, сейчас все встает на свои места. Сейчас он понимает.

Но он понимает не то, о чем я говорю, а только то, что подробностей от меня уже не дождется.

— Продолжай, пожалуйста. Ты встретил девушку на улице, она пела.

— Рита! Ее зовут Рита.

— Хорошо, Рита, мы запомнили. Что было дальше?

Да какая разница, что было дальше? Меня больше заботит, как мне убедить собравшихся в том, что Рита есть, что она существует, что сейчас, пока эта непрофессиональная пустышка в белом халате мило беседует со мной, Рита где-то планирует новое убийство.

Я пью. Делаю несколько больших глотков, стакан наполовину пустеет и его тут же наполняют до краев. У меня не пересохло в горле, мне просто интересно, насколько качественный здесь сервис и как долго будут со мной церемониться.

Она назвала меня красавчик, мне это понравилось, и я улыбнулся. К своему удивлению, я улыбнулся ей вместе с Аркадием. Я почувствовал, что-то такое, чего раньше за собой не замечал. На какой-то момент, на совсем короткий, но я стал одним целым. Целостным, если хотите. Я и Аркадий слились. Может, так повлияло на меня спонтанное увольнение, может, встреча с милой девушкой, не знаю. Но я, наверное, впервые за свою долгую и безрадостную жизнь почувствовал себя целым.

Маска Аркадия исчезла, испарилась, растворилась в воздухе, вместе с последним аккордом песни про котов.

— Понравилось?

Я не нахожу правильных слов, просто киваю и продолжаю хлопать.

— Хочешь, я еще спою? Только для тебя.

Я спросил, может ли она исполнить что-нибудь из роллингов или битлов, на что она засмеялась и начала петь неизвестную мне до тех пор песню про бездомного паренька. Я раньше такую не слышал, думаю, Рита сама ее сочинила.

Она закончила, я опустил в коробку еще несколько купюр.

— Ты знаешь, Чарли, ты очень благодарный слушатель.

Она смеется, прячет крупные деньги и забавно имитирует движения Чарли Чаплина.

Да, мне уже не раз говорили, что я чем-то на него похож. Может, вечно усталый Аркадий со своей замученной неуклюжей походкой создавал такой образ? Не знаю. Но я даже подумывал трость купить, чтоб усилить схожесть. Но потом решил, что моя маска станет еще нелепее, и не стал.

— Меня Аркадий зовут.

— Рита.

Она утирает маракас и протягивает мне руку.